

УДК 101.9

ПОРТРЕТ ФИЛОСОФА

В.Б. Гухман

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Критически рассматриваются некоторые стереотипные представления о философии и философах, о философском образе мышления и мировосприятия. Анализируются взаимообусловленность философии и науки в процессе их совместного развития, а также психологические, социальные, лингвистические и исторические аспекты философской рефлексии.

Ключевые слова: *мудрость, ум, чувство, интуиция, мораль, ответственность, мировоззрение, рефлексия, наука, логика, парадигма, объяснение, понимание, математика.*

О человеке любой профессии существуют стереотипные представления, будь то политик или вор «в законе», учитель или пастухе, астроном или экскаваторщик, священник или философ. Кстати, о последнем...

Стереотип 1: философия – удел старости, философ – убелённый сединами мудрец. Данный стереотип изначально сомнителен. Ведь у каждого человека (с его профессиональными навыками и пристрастиями) неизбежен этап взросления. Человек не может, отрастив седую бороду, ни с того ни с сего объявить себя философом, хотя на протяжении трудовой жизни был токарем или пахарем и не помышлял о философии.

Проведенный автором анализ биографий около двухсот философов показал, что действительно большинство из них начали научно-философскую деятельность в возрасте от 25 до 45 лет, а некоторые и раньше, например: Аристотель, Г.В. Лейбниц, Т. Адорно – в 17, Ф.В.Й. Шеллинг – в 19 лет, Х. Ортега-и-Гассет, А.Р. Лурия – в 21 год, П.А. Флоренский, Ф.А. Степун, Л. Парейсон – в 22 года, К. Маркс, С.Л. Франк, К. Леви-Стросс – в 23 года, А.Н. Радищев, Ф. Энгельс, О. Конт, Ф. Ницше, А. Швейцер, Э. Левинас, У. ван О. Куайн – в 24 года. Просто с годами философы приобретают известность, а после смерти многие из них становятся знаменитыми (воистину, чтобы стать знаменитым, надо прежде умереть, а там уж «как повезёт»). Но «мудрость – это не морщины, это извилины». Иными словами, старость и жизненный опыт – ещё не гаранты философской мудрости, а лишь её корреляты.

Стереотип 2: философ – мужчина. Действительно, большинство известных философов принадлежат к худшей половине человечества, известных женщин-философов несравнимо меньше: Гипатия Александрийская, Каролина Михаэлис, Гарриет Тейлор, Мари Бонапарт, Эдит Штейн, Маргарет Мид, Ханна Арендт. Полагаем, что причина живучести данного стереотипа кроется в социальном архетипе изначального гендерного неравенства. Мужчина «со времён оных» должен был добывать пропитание и защищать семью, племя, род, а женщина – хранить очаг, рожать и растить детей, готовить пищу и к тому же оставаться при-

---

¹ Пифагор, преуспевший, как известно, в математике и космологии, первым назвал себя философом. До Пифагора были «мудрецы» и «сведущие». Вплоть до Нового времени любой учёный считался философом.

влекательной и желанной. Со временем защитная функция мужчины стала носить эпизодический характер, новых функций взамен он на себя не брал, а появившееся в результате свободное время стал использовать по собственному разумению для удовлетворения своих пристрастий, в том числе пристрастий к философской рефлексии. В то же время женских функций ничуть не убавилось, наоборот, к ним добавилась добыча пропитания наравне с мужчиной. Тут уж не до свободного времени, не до эмпирей философии! К тому же философствующего мужчину надо кормить (как Ксантиппа своего «бездельника» Сократа, который целыми днями поучал афинян и возвращался домой отнюдь не из общества трезвенников).

Полагаем, что при гендерном равенстве в распределении свободного времени число женщин-философов было бы не меньше, чем мужчин. А пока мужчины-философы избегают такого контекста гендерного неравенства. Возможно, им так выгодно.

Стереотип 3: философ умный. Ум ещё не предполагает мудрость. Наверно, правы те, кто утверждает: ум находит выход из трудных ситуаций, а мудрость их не создаёт. Впрочем, «когда не обладаешь мудростью, остаётся любить мудрость, т.е. быть философом» (Н.А. Бердяев). Поэтому иногда (чаще в молодости) философу достаточно быть умным, не претендуя на мудрость, которая придёт в своё время.

По-видимому, умному человеку свойственна способность к абстрагированию понятий, индуктивному обобщению фактов и дедуктивному мышлению. Такая способность проявляется в детстве с развитием «левополушарного мышления», что, по-видимому, и служит предпосылкой для рефлексии будущих философов и наблюдательных мыслителей (типа Шерлока Холмса), но не всех: «способность следить за длинной цепью чисто отвлечённых идей очень ограничена у меня, и поэтому я никогда не достиг бы успехов в философии и математике» (Ч. Дарвин. «Воспоминания о развитии моего ума и характера»).

А согласно Эпиктету (столь ценимому Л.Н. Толстым), если ты боишься прослыть дураком, ты не философ. Автор из-за повседневной суеты не удосужился спросить у самого Эпиктета, что он имел в виду. Остаётся догадываться, что Эпиктет и другие подобные ему философы влачили горькую участь быть непонятыми, как не поняты люди с неординарным образом мышления и непопулярными ценностями, т. е. «дураки» в расхожем понимании «здравомыслящих» людей.

Истинный мудрец «парит над схватками» и размышляет о них, не заботясь ни о собственной выгоде, ни даже о безопасности. Ну что с него взять, дурак да и только! Разве не по-дурацки, с точки зрения светского общества, повёл себя Лев Николаевич, наплевав на свой графский титул и покинув устоявшийся быт Ясной Поляны ради хлопотного паломничества в непредсказуемую даль, в результате чего он простудился и умер на безвестной станции Астапово?! А ещё раньше разве не в безумии он стал «плевать против ветра» в православных церковных иерархов, отстаивая истинную христианскую веру, за что был подвергнут церковниками синодальной анафеме?! И всё потому, что Лев Николаевич с годами стал почитаемым философом мирового уровня. Разве не самоубийственное безумие снизошло на А.Д. Сахарова – академика, трижды Героя Социалистического Труда, когда он в разгар «холодной войны» направил руководителям СССР свой знаменитый антивоенный меморандум, за что был лишён всех регалий и привилегий и изгнан в ссылку?! Мудрость философа возобладала над умом учёного, но для тоталитарной власти военизированного государства и подконтрольных ей СМИ Андрей Дмитриевич стал «опасным дураком». А для мыслящих людей Сахаров – незаурядный философ.

Философствование «по гамбургскому счёту», как и увлечение альпинизмом, – занятие, граничащее с безумием, и в связи с этим может считаться объектом исследования психиатрии. А поскольку психические расстройства – инфекционные заболевания, многие психиатры, не накладывавшие на свой мозг дезинфицирующих повязок, стали философами (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, герой «Палаты № 6» А.П. Чехова и др.). Так что Эпиктет прав: безумствующие философы, как и альпинисты, – дураки. Ведь «умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт». Вот и получается, что вершины покоряют дураки, а умники псевдофилософствуют у подножий и, вертя пальцем у виска, поглядывают снизу на дураков, которые, не щадя себя, карабкаются вверх по отвесным скалам туда, где парят орлы. Конечно, «орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться!» (И.А. Крылов).

Одно из произведений П.Я. Чаадаева называется «Апология сумасшедшего». Фундаментальную науку, пересекающуюся с философией, тоже творят сумасшедшие: «Ваша теория недостаточно безумна, чтобы быть правильной» (Н. Бор). Пифагор, Архимед, Н. Коперник, И. Ньютон, Н. Лобачевский, Э. Резерфорд, А. Эйнштейн, Н. Бор, Л. Ландау и многие другие учёные – каждый по-своему сходил с ума, т.е. с широкой, проторенной, безопасной научной дороги, чтобы ступить на опасную нехоженую тропу, где можно встретить разве что безумствующего философа или сумасшедшего учёного. Большинство сочло петербургского математика Г. Перельмана дураком за его отказы от престижнейших международных математических премий (1996, 2006, 2010) и причитающегося вознаграждения в миллион долларов (2010), за отказ стать членом РАН (2011). И это в то время, когда отечественная наука юродствовала на папертях («подайте копеечку»), а сам Перельман после возвращения из США жил в весьма стеснённых условиях. Зато он доказал справедливость «гипотезы Пуанкаре» («проблемы тысячелетия»), чего до него никто не смог сделать, а это для математики стало сенсационным подарком. Чего ж ещё было ждать от бескорыстного сумасшедшего учёного?!

Философов, как и непредсказуемых, юродствующих дураков, опасаются, подозревая в них скрытых мятежников и еретиков. Ведь любая самостоятельная, никому не подвластная мысль мятежна. Поэтому хоть философов иногда и приглашают на пиры Валтасара, но, ради бога, пусть в своем рубище сидят себе где-нибудь сбоку и жуют виноградку. А после пира – с глаз долой! Философы и дураки власти не требуются. Власть делает ставку на людей с ординарным образом мыслей и общепринятыми ценностями плюс, конечно, со лстливой лояльностью.

Духовно близких философов, теологов и поэтов часто посещают пугающие экстатические состояния – озарение, вдохновение, ясновидение, откровение, связь с Логосом и другие им подобные иррациональные психологические феномены, непонятные рациональному «здравому смыслу». На одном из заседаний Французского философского общества о речи религиозного философа-неотомиста Ж. Маритена «нормальные» философы отзывались так: «Скажите на милость, что же это такое?.. он просто ненормальный» (Э. Жильсон. Философ и теология). Если Сергею Есенину было привычно «рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души», то это что – мазохизм безумствующего поэта, спросит здравомыслящий субъект.

А может, философам удобно казаться дураками? Чем чёрт не шутит: «Во время глупым умей притвориться – всех будешь мудрее... Часто глупец в неразумии метким обмолвится словом» (Эразм Роттердамский. Похвала глупости). В конце концов, Александр Македонский согласно легенде пришёл однажды отве-

дать мудрости не к своему учителю Аристотелю, а к Диогену-кинику, жившему в бочке (а вернее, в большом глиняном кувшине) и плевавшему на моральные устои общества, считавшего его дураком.

Дурак прост, как правда или малое дитя. Если он хочет есть, он говорит: «Хочу есть». «Сложный» (заумствующий) философ, дистанцирующийся от дурака, произнесёт нечто иное: «Мой архетипический инстинкт, элиминируя экзистенциальный императив моей Личности, аффицирует первоприродное чувство голода...» – и т. п. Такие философы, не внимая Л. де Вовенаргу («ясность – вежливость философии»), предпочитают изъясняться на подобном «птичьем» языке, полагая его своим профессиональным сленгом, который, естественно, непонятен нефилософам. Заумствующие философы, видимо, полагают, что нефилософы проникаются уважением к философской зауми, вычурности и витиеватости философского лексикона и стилистики в большей степени, нежели к ясности², даже если за изощрённой формой текста нет серьёзного содержания:

Бессодержательную речь

Всегда легко в слова облечь.

Из голых слов, ярься и споря,

Возводят здания теорий. (И.В. Гёте. Фауст. В пер. Б. Пастернака).

Получается, что авторитет философов зиждется не на том, что они действуют по высшим законам, недоступным простому смертному (пусть и учёному), и не на том, что они мудрее или умнее других (пусть и учёных), но единственно на том, что *их не понимают*. «Лишь пока нас не понимают, этот сомнительный авторитет работает на нас» (М. Хайдеггер. Основные понятия метафизики/Время и бытие). Как только философов начинают понимать, авторитет исчезает или обнаруживается, что его и не было, ибо все мы в известной мере философы, способные на саморефлексию. И если в хайдеггеровском смысле авторитет философии – миф, то этот миф произвольно внушают нам некоторые рефлектирующие философы прошлого и настоящего.

Конечно, дурак дураку рознь, как, впрочем, и умник умнику. Не спешите надевать скоморошеский колпак на дурака – он может оказаться философом. Дураки, как и философы, – интеллектуальные меньшинства человечества. Видимо, поэтому «новая точка зрения всегда оказывается в меньшинстве» (Т. Карлейль). Глубочайшие философские идеи, считавшиеся поначалу «дурацкими» или сдуру объявленные таковыми, взрастили вечные проблемы Человека Цивилизации. Каждая цивилизационная эпоха переосмысливает вечные проблемы в текущем историческом контексте, причём лежащие в основе данных проблем идеи тем привлекательней, чем они необычной, свежей. Так, кантовская метафизическая идея об априорном знании, казавшаяся, как минимум, странной для современников Канта, в наше время приобрела новый, вполне практический смысл в идеях и экспериментальных данных о квантовой телепортации (парадокс Эйнштейна – Подольского–Розена), функциональной и атрибутивной информации (Н. Винер, К.Э. Шеннон, В.М. Глушков, А.Н. Колмогоров, А.Д. Урсул), о семантическом вакууме (В.В. Налимов), информационном поле (Р. Утияма), информациогенезе (А.Н. Кочергин). Того и гляди, из области метафизики априорное знание перейдёт под юрисдикцию физики, а там попадёт и в учебники с хрестоматиями. Прецеденты есть: атом, происхождение и устройство Вселенной, концепции пространства–времени–поля, души («псюхэ») и др. Да и само платоновское понятие «идеи» – ведь оно на все времена бесценно в своей информативности.

---

² Мол, (*имярек*)-то не дурак, а жутко умный!

Душа ребёнка открыта всему миру, который, в свою очередь, эту душу закрывает у зрелого человека. Философ вне зависимости от паспортного возраста – тот же ребёнок, ибо, познавая мир, он живёт с открытой по-детски душой и любопытательно впитывает в неё бытие во всём его великолепии и маразме. У дурака душа тоже нараспашку. Не потому ли «первое, что узнаёшь в жизни, – это что ты дурак. Последнее, что узнаёшь – это что ты всё тот же дурак» (Р. Брэдбери. Вино из одуванчиков).

Стереотип 4: философ нравственный. Нравственность (мораль) существует в двух уровнях – социальном и личностном, являясь одним из способов разрешения противоречий между этими уровнями. Мораль не имеет рецептурного характера, у неё регулятивный статус, позволяющий морали постепенно изменяться во времени. Индивид может (имеет право) через собственный выбор соответствовать или не соответствовать общественной морали. И философы – не исключения.

Так, киник Диоген Синопский согласно легендам был аморален (по современным взглядам). Полагаем, что и известный философ-окультист Рудольф Штайнер (конец XIX – начало XX в.) тоже не отличался нравственностью. Например, Штайнер утверждал: «Мы не знаем “категорического императива”, точно голоса из потустороннего мира, который предписывал бы нам, что нам следует делать и чего не делать. Наши нравственные идеалы являются нашим собственным свободным порождением. Мы должны выполнять лишь то, что мы предписываем себе как норму нашей деятельности» (“Истина и наука”; речь идёт о категорическом императиве Канта); «быть свободным – значит быть в состоянии из себя самого предопределить лежащие в основе деятельности представления (побудительные основания) посредством моральной фантазии. Свобода невозможна, если что-нибудь вне меня... определяет мои моральные представления» (“Философия свободы”). Полагаем, что свобода «себя» не должна ущемлять свободы «не себя», т.е. свобода личности – это одновременно и ответственность перед обществом. Если же свобода – безответственность перед обществом («что хочу, то и ворочу») – это голый волюнтаризм. Тираны, деспоты и изверги рода человеческого во все времена действовали сообразно таким безнравственным установкам Штайнера. Сомневаемся, что нравственный философ будет, подобно Штайнеру, утверждать что: «современная философия страдает нездоровой верой в Канта»; «мы не считаем нужным приводить сочинения... философских классиков»; «мы достаточно подготовлены... чтобы обнаружить основную ошибку (*имярек*)»; «если бы (*имярек*) вполне ясно сознавал...»; «...не выяснил себе»; «...тщетно искал»; «ясное понимание... отсутствует»; «пользуется... утверждениями, совершенно неуместными...»; «(*имярек*) пытается... обосновать свой взгляд. Наши дальнейшие рассуждения покажут, как должна отнестись к такому обоснованию свободная от предпосылок теория познания»; «современная учёность бредёт наугад и не знает сама, чего хочет» и т. п. Впечатление такое: «Юпитер, ты сердисься, значит, ты неправ». Полагаем, Штайнер, находясь в состоянии «невротического экстремизма», при переходе от пропонирования своих идей к оппонированию чужих забыл известную истину: дабы возвыситься самому, не унижай других.

---

³ Согласно Гегелю, мораль (как свобода *в себе*) вместе с правом (свободой *для себя*) индивидуальна и входит в социальное понятие нравственности (мораль+право=нравственность). По разным причинам эта гегелевская схема оказалась нежизнеспособной.

Эмоциональность, категоричность мыслей и текстов бывают нужными адептам того или иного нового учения или доктрины для уловления душ апологетов и эпигонов учения (доктрины). Штайнер успешно занимался таким «уловлением». Современники отмечали выдающийся талант Штайнера как лектора. Но мало ли в истории человечества было харизматических адептов своих учений и мировоззрений, не только нравственных, но и человеконенавистнических?!

К сожалению, Штайнер не внял столь почитаемому им И.В. Гёте: «...всякого рода беспринципная деятельность в конце концов приводит к банкротству».

Стереотип 5: философ «не от мира сего». Он якобы всегда наедине с вечностью, мирозданием, экзистенциями добра и зла, любви и ненависти, чувства и разума, души и духа и т. п. Окружающая философа земная жизнь в её суетной конкретике якобы минует его сознание, занятое поисками чего-то неизвестного и немыслимого, например, «философского камня».

Но ведь философ ещё и просто человек – жалкий «мыслящий тростник» (Б. Паскаль), «злак земной» (Ф. Тютчев), и ничто человеческое ему не чуждо, в том числе, эмоциональная сфера человеческого бытия. Так, в философии жизни и экзистенциализме акцентировалось внимание на животрепещущих психологических проблемах существования человека в быстро меняющемся мире XIX – XX вв. Философия науки и техники никогда не снимала руку с пульса научно-технического прогресса, диагностируя и предсказывая его проблемы и противоречия.

Кроме того, материальная сторона «сего мира» во все времена оказывала влияние на жизнь самих философов, вынуждая их заниматься мирским трудом ради хлеба насущного. Ведь одной философией сыт не будешь. Так, Б. Спиноза зарабатывал на жизнь шлифовкой линз, Ф. Бэкон был государственным и политическим деятелем, Г.В. Лейбниц – математиком, физиком, историком, языковедом, изобретателем, юристом, дипломатом, библиотекарем, И.В. Гёте – поэтом, писателем, естествоиспытателем, юристом, премьер-министром герцогства Саксен-Веймар, Л. Витгенштейн преподавал в начальной школе, был инженером-самолётостроителем, санитаром. Даже полубогатый Конфуций, согласно историческим источникам, занимаясь в основном педагогическим трудом, одно время был министром внутренних дел одной из китайских провинций, а Марк Аврелий вообще был римским императором. Многие философы издавали газеты, служили преподавателями гимназий, колледжей, университетов, были священнослужителями.

Стереотип 6: философия и философы свободны от любой ответственности. Мифологема «философской безответственности» возникла после того как, начиная с XVI–XVIII вв., т. е. более чем на два тысячелетия позже становления философии, внутри последней зародилась современная наука с её рациональной натуралистической парадигмой. Наука приняла на себя бремя ответственности за истинность своих утверждений, заставив логику (один из методических инструментов философии) отвечать за правильность доказательства научных утверждений, что обеспечило науке методологический тыл её атак на тайны природы. В этой прагматической связке науки и логики («блудных дочерей» философии) самой рефлексивной философии не нашлось конкретного рабочего места, как пенсионеру сейчас нет достойного места на рынке труда. В результате философия оказалась якобы свободной от серьёзной ответственности перед обществом.

Учёные, как и философы, издревле и поныне занимаются познавательной деятельностью. Но если целью первых является только истина, а основным про-

дуктом – знание, то целью вторых является множество высших смыслов и ценностей (истина, любовь, добро, красота, вера, свобода, счастье и др.), а основным продуктом – мировоззрение. Даже в подходе к истине философы, хотя и не прочь «докопаться» до неё, понимают, что истина как суть (смысл) познаваемого всё же недостижима через свои проявления в научных опытах и через математические формулировки законов природы. Остаётся размышлять об истине, что и делает философия. Для науки поставить проблему означает наметить пути её решения в познании своего объекта исследования. Если проблема представляется неразрешимой, наука обязана доказать эту неразрешимость, после чего может, хотя бы на время, отказаться от проблемы. Для философии мир (Универсум) как объект её рефлексии – априори неразрешимая проблема, но отказываться от неё философия не имеет права, ибо, отказавшись, философия откажется от познания мира, т. е. от самой себя.

Философия вольна в выборе своей проблематики и предмета рефлексии, будь то теизм или атеизм, электроток или кровоток, галактики или микрочастицы, человек или вирус, добро или зло. Философ не связан никакими догмами мышления, в первую очередь догмой логического мышления. Фантазиям философа тоже нет никаких пределов. И тем не менее философ и философия должны быть *ответственными*. «Ответственность» – этическое понятие: философская рефлексия, руководствуясь теми или иными нравственными императивами, обязана творить добро, быть совестливой, не лгать, не снобствовать, стремиться к простоте и ясности. При этом в глазах современников философ может слыть кем угодно: порядочным или асоциальным человеком, даже дураком, что вполне укладывается в мифологему его «безответственности», но никак не связано с реалиями его ответственной (в указанном смысле) рефлексии.

Ум учёного не равноценен мудрости философа, и при всех относительных успехах науки, сделавших мир якобы полезным, комфортным для человека, она не слишком преуспела в миропонимании, включая понимание самого человека. Радужные упования на науку как панацею человеческой цивилизации, жаждущей пользы и комфорта, сменились сначала скептицизмом, а затем и горьким разочарованием, особенно после известных техногенных и экологических катастроф. Для науки и учёных настали трудные времена. Кроме того, наука периодически испытывает внутренние трудности роста, возникающие при смене парадигм, при революционных открытиях, влияющих на мировоззрение и миропонимание. И так же, как при столкновении с трудностями дети восклицают «мама родная!», и умная наука в трудные для себя времена возвращается к мудрости матери-философии.

Полагаем, что в системе образования основное различие науки и философии в том, что научному знанию можно обучиться, а философскому мировоззрению – нет. Можно только привить вкус к философствованию путём «соприкосновения с оригиналом» – живым философом либо с его мыслями, запечатленными на родном языке философа⁴.

Философы признают существенный субъективизм своей рефлексии, зиждущейся на теоретичности (внеопытности), синтетичности (универсальности, целостности), дедуктивности, неаксиоматичности (беспредпосылочности), комплексности (методологическом полиморфизме), системности, критицизме, интен-

---

⁴ Все философы – в своём роде оригиналы. Любой перевод аутентичного текста и даже его интерпретация на родном языке искажают первичную мысль. Надо читать аутентичные тексты авторов.

циальности (обращённости к смыслу), антропоцентричности, мировоззренческой значимости, историцизме. Философский субъективизм в немалой степени способствует вечности философских проблем – генезиса бытия и сознания, познания истины, проблем развития и свободы и др. Философия гораздо скромнее частных наук в решении своих проблем, несмотря на свою творческую раскованность, элементы интуитивизма и анархизма, частую смену парадигм и одиночество ни от кого не зависящих мыслителей. У философии реже, чем в науке, наблюдаются этапы «нормальности» (по Т. Куну), связанные с развитием очередного «изма» и появлением соответствующей школы.

В науке степень гносеологического субъективизма в среднем меньше, чем в философии. Однако это справедливо по отношению лишь к тем частным наукам, у которых средства познания ближе к абстрактно-логическим, формальным, фактуальным, нежели к целостно-образным, эвристическим, рефлексивным. Специалисты в области так называемых точных наук, как правило, приходят к взаимопониманию (положительному или отрицательному) лучше и быстрее, нежели в области наук гуманитарных, ибо абстрактный язык математики и логики (*язык объяснения*) объективно способствует взаимопониманию на уровне абстрактно мыслящего сознания в большей степени, чем неформализуемые языки трансцендентного мышления, интуиции, эмпатии, идеализации и др. (*языки понимания*) на уровне бессознательного. Но не следует полагать, что между обоими языками непреодолимая пропасть. Есть связующие «мосты» – в отличие от естественных разъединяющих языков различных этносов математический язык и языки искусства (нотный, литературный и др.) – синтетические, объединяющие, а значит, философские по замыслу («математика – философия науки»).

Конечно, каждый язык лучший в своей области применения. За её пределами он часто даже не нужен. Люди не разговаривают на машинном языке, а машины – на человеческом. Герменевтика нуждается в своих языках понимания не менее, чем наука в своих языках объяснения. Более того, достоинства этих языков эффективно дополняют друг друга в человеческой практике, ибо «логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие изобретательства» (А. Пуанкаре. О науке). Философия не накладывает формальных ограничений на методы и языки философствования – они могут быть вербальными и/или символическими, включая математические. Философия пользуется разными семиотическими системами в своей аргументации, в частности несколькими логическими языками. Математика как продукт эволюции логики имеет свою символику, свой словарный запас, свою фразеологию и правила синтаксиса. Математический язык ничуть не хуже русского или английского. Люди «математической национальности» воспринимают русские или английские вставки в математические тексты так же болезненно, как англичане или русские воспринимают ответные математические атаки на их родную речь. В своих философских трудах Фреге, Рассел, Уайтхед, Витгенштейн, Поппер и др. не избегали аргументирующих математических высказываний, когда вербальная философская аргу-

---

⁵ Взаимопонимание как отношение между субъектами не означает понимания как отношения между субъектом и объектом. Субъекты, «взаимопонимая» нечто, могут его не понимать.

ментация своего субъективного понимания казалась им недостаточной⁶. Вспомним пифагоровское «число» как философский принцип всего сущего.

Согласимся, что создавать (изобретать) новое всё же труднее, чем объяснять, критиковать существующее. Для созидания надо владеть не только и даже не столько языком объяснения, сколько языком понимания. В этом плане логика, математика и в целом языки объяснения (доказательства) легче языков понимания. По Хайдеггеру, изначальная задача философии – «делать вещи более тяжёлыми (трудными), более сложными». Языки, ориентированные на целое, сложное – это философские языки понимания. Логика, математика как языки научного объяснения (доказательства) ориентированы на частное, простое; конечным числом конечных предложений и формул невозможно выразить сложное бесконечномерное целое. Но, по мнению автора, тяжесть и сложность «философских вещей», их бесконечномерная цельность не оправдывают сложности философских текстов. Мыслить о сложном ясно и просто трудней, чем сложно и малопонятно.

Взаимопонимание в простом, частном достигается быстрее, чем в сложном, целом. Поэтому естествоиспытатели легче договариваются друг с другом, чем философы. Впечатление такое, что философы даже не стремятся договориться. Может быть, они полагают, что т.к. любое конечное объяснение объективно связано с частным, оно (объяснение) есть откат от философии с её ментальностью целого, всеобщего. Так стоит ли снисходить до объяснения, взаимопонимания?! Не в этом ли хайдеггеровская «мысль – всегда немного одиночество. Когда её вовлекают, она может отклониться»?

Философия находится в более трудном положении, чем естествознание, ибо, в отличие от последнего, объект исследования – Универсум – ей не дан. Целое нам дано лишь в частностях, занимающих науку. Как фазообособленная самость целое нам не дано, особенно если мы – элемент этого целого, как в случае с Универсумом. В этом смысле между объектом и субъектом должно быть отношение отстранённости, а не включённости. И в этом же смысле целое постоянно искомо, но не находимо. Но возможно ли в принципе позитивное знание Универсума, если всё, что мы о нём можем сказать, – это сплошное отрицание: Универсум – это *не* часть, *не* элемент системы, это – *ничто* целое, за пределами которого якобы *ничего нет*. Естествоиспытатель может экспериментировать с природой, философу и это не дано. В этом смысле любая наука, даже чистая математика, в сравнении с философией несёт на себе отпечаток практицизма. Философия же немыслима вне философствования, т. е. теоретизирования, ибо когда разум оказывается один на один с Универсумом, «то нам даётся только...проблема» (Ортега-и-Гассет), а философ вслед за Л. Витгенштейном может воскликнуть: «Я в тупике!».

В связи с изложенным состояние недогматической философии можно охарактеризовать как *перманентный* кризис (непрекращающаяся революция, «вечный бой») в отличие от естествознания, переживающего *периодические* кризисы. В промежутках между кризисами своих парадигм естествознание переживает периоды нормальной науки, работающей в рамках очередной победившей парадигмы. Философии же форма «нормальной философии» свойственна в гораздо меньшей степени, ибо среди философских парадигм не бывает победителей и побеждённых, философские парадигмы сосуществуют и максимум, на что они способны

---

⁶ Вообще говоря, понимание всегда субъективно, его объективность а priori сомнительна. Можно лишь говорить о той или иной степени совпадения субъективных пониманий, влияющей на «результаты голосования» по проблеме, не более того.

(если не впадают в политику), это беззлобно критиковать друг друга в рамках принципов плюрализма и толерантности.

Плохо это или хорошо? Во-первых, вслед за Ортега-и-Гассетом и Куном, утверждавшими, что кризисы науки говорят не о её упадке, а о её здоровье, позволим себе утверждать, что и перманентный кризис философии – её естественное, здоровое состояние. Заявлять всё время о кризисе своих принципов или о множестве кризисов одновременно может позволить себе только здоровая философия, чему свидетельство – её почтенный возраст, завидная любознательность и самокритичность. Во-вторых, полагаем, что отсутствие явной формы нормальной науки не позволяет считать философию наукой. Парадигмы, которые предлагают адепты и апологеты научности философии, включая великих философских системостроителей Аристотеля, Декарта, Спинозу, Канта, Гегеля, Гуссерля, не содержат атрибутов «нормальности» в указанном смысле. Методы и средства всех философских систем не проработаны до уровня доказательного и проверяемого знания, позволяющего в рамках очередной парадигмы достаточно длительное время накапливать позитивные результаты, верифицируемо решать задачи не столько авторами этой парадигмы, сколько всем мировым сообществом философов.

В нашем представлении причин этого положения несколько. С одной стороны, известная часть философов вовсе не собиралась делать из философии науку в общепринятом смысле: «...сегодня, после того как философы с краской мучительного стыда сносили презрение учёных, бросавших им в лицо, что философия не наука, нам – по крайней мере мне – нравится в ответ на это оскорбление заявлять: да, философия не наука, ибо она нечто гораздо большее» (курсив В.Г.) (Ортега-и-Гассет. Что такое философия?). Автор согласен с этим тезисом, не исключая, однако, научности философии как одного из её частных свойств, что согласуется с гегелевским тезисом о философии как науке о всеобщем. С другой стороны, современные философы приложили максимум усилий к разработке логико-лингвистических оснований аналитической философии, герменевтики, постпозитивизма, постмодернизма, превратив язык в один из основных объектов философских исследований. При этом они не пошли глубже представления о языке как форме жизни или игре, среде существования человека, хотя Витгенштейн в «Философских исследованиях» признавал, что скрытая сущность языка гораздо глубже явленной. Согласимся, что язык, как и любая система кодирования, – лишь составная часть Универсума и, следовательно, генезис языка – в Универсуме. Чтобы понять язык, надо понять его место в Универсуме, а значит, надо понять Универсум. Складывается впечатление, что, играя в «языковые игры», современные философы несколько уходят от главного объекта философии – мира с его реальными проблемами и реальным смыслом вещей.

Наконец, часто забывают, что, питая науку, формальную логику и математику своим «материнским молоком», философия сама впитала многие научные парадигмы. Подобные прецеденты имели место, когда смена научных парадигм затрагивала фундаментальные основы мироздания – пространство, время, поле, жизнь, которые в силу своей всеобщности являются также и предметами философской рефлексии. Такие ревизии, например, в физике и астрономии связаны с именами Галилея, Коперника, Ньютона, Эйнштейна, Бора, в биологии – Дарвина, в химии и биохимии – Пригожина, Эйгена, в математике и логике – Лейбница, Лобачевского, Буля, Гильберта, Гёделя, Фреге, Рассела. Многие из этих гигантов науки, понимая философскую значимость своих концепций и подходов, делали их философскими и в равной степени занимались на их основе наукой и философией. Это был естественный приход в философию, но не с пустыми руками. Привнесён-

ные в философию методологические средства науки предоставили возможность обоснованного философского осмысления важных научных результатов и субстанциональных представлений, относящихся к совместной юрисдикции науки и философии.

Отдельные научные концепции приобретали философский статус временно, а некоторые навсегда. Так, математическая логика вошла в философию вывода (пропозициональное исчисление, исчисление предикатов и др.), частная и общая теории относительности – в ядро современной философской концепции пространства–времени–поля, кибернетическая теория формальных грамматик – в лингвистическую философию, химическая теория диссипативных систем – в синергетическую философскую парадигму. Ньютон разрабатывал математические начала *натуральной философии*, Рассел и Уайтхед – *математическую философию*. Сейчас злободневными для философии в указанном смысле являются яростно дискутируемые научные парадигмы физического вакуума и природы гравитации, информационного и торсионного полей, квантовой телепортации, клонирования живой клетки, киберпространства.

В связи с этим нет серьёзных оснований отделять развитие науки от развития философии. Нет также оснований противопоставлять пронциательность и мудрость философа уму и спонтанным актам озарения учёного. Философ своим системным и гуманным мышлением охватывает всю полноту жизни, связанную с истинами науки, красотами искусства и добром практики. Гуманная наука также не должна развиваться в отрыве от искусства и практики человеческого бытия.

С другой стороны, если философские тексты о мироздании претендуют на общечеловеческую значимость, иначе, чем в контексте общечеловеческого знания о мироздании, т.е. в научном контексте, понятном прагматическому большинству человечества, их рассматривать нельзя, как бы к этому ни относилось философское сообщество. В противном случае философия рискует остаться в представлении многих интеллектуалов, не говоря уж об обывателях, «остроумными, но безрезультатными словами» (Дж. Бернал), эксплицитной рефлексией на заданную (научную) тему, но не *важнейшим*, как утверждал Плотин. В конце концов, матери без детей тоже не обойтись. Иными словами, не следует отделять развитие философии от развития науки. Правда, это не даёт оснований для присуждения учёных степеней доктора и кандидата философских наук, ибо никаких «философских наук» не существует (за рубежом присуждают степень «доктор философии»).

Если авторитет ответственной философии – не миф и она действительна, – важнейшее, то философия – не просто рефлексия, не одна только рефлексия. В ней есть нечто, находящее отклик через тысячелетия не только в силу принципа историзма и периодического интеллектуального резонанса поколений. Это нечто – «ностальгия, тяга повсюду быть дома» – так романтическими словами поэта Новалиса Хайдеггер в эссе «Разговор на просёлочной дороге» обозначает, что философствующий «повсюду не дома», но хочет быть там «всегда и, главное, в целом». Естественен вопрос: разве наука в лице её лучших представителей не испытывает подобную тягу быть дома всегда и в целом? Прав ли Хайдеггер, полагая, что «науку и мысль разделяет пропасть», т.е. наука и философия независимы в своём развитии?

С одной стороны, из-за разницы в целях философа и учёного последний в погоне за относительной истиной часто забывает о нравственном аспекте своих изысканий, о благе человека и природы. А у философа благо человека и природы всегда в центре рефлексии. В результате наука напоминает умную, педантичную, бесчувственную классную даму, для которой «тяга быть дома» означает порядок,

организованность и объяснимость. Философия же напоминает мудрую, добрую, всепрощающую бабушку, для которой важны не «объяснительные записки», а понимание и взаимопонимание в общечеловеческой семье, любовь и уважение к человеку и природе.

С другой стороны, философия – открытая система, как и реальные системы любой природы, и ей свойственны метаболические процессы, включающие информационный метаболизм. Только за счёт своей информационной открытости философия развивается. Закрытость, автономность, одиночество, отрешённость философии имплицитно привели бы её к элитарным болезням, аналогичным болезням средневековых замкнутых династий королевских родов Европы. Даже если речь идёт не об инкапсулировании философской мысли, а лишь о недоступной науке степени философской абстракции, полностью вывести мир за скобки абстракции не удастся – небольшой шум да останется. Э. Гуссерль признавал: «...не через философии становимся мы философами... *Толчок к исследованию должен исходить не от философии, а от вещей и проблем*» («Философия как строгая наука»). О том же Ортега-и Гассет: «...сначала живи, затем философствуй». Б. Рассел, будучи в равной степени философом и учёным, полагал, что философия должна опираться на научное знание и быть его квинтэссенцией. В подтверждение данных точек зрения сошлёмся на судьбы ряда учёных, внёсших существенный вклад в развитие современной философской мысли: Ницше был филологом, Фрейд, Юнг, Фромм, Ясперс – психологами и врачами-психиатрами, Мах, Эйнштейн, Гейзенберг, Кун, Бор, Борн – физиками, Пригожин – физикохимиком, Фреге, Рассел, Уайтхед, Налимов, Моисеев – математиками, Вернадский – геохимиком.

В развитие философии внесли свой вклад также литераторы, религиозные и общественные деятели: Толстой, Сартр, Камю были писателями, Флоренский, Тейяр де Шарден, Жильсон – теологами, Швейцер – врачом, теологом, музыковедом, общественным деятелем. Согласимся с Хайдеггером, что хотя «философия и поэзия стоят на противоположных вершинах, но говорят одно и то же».

Философию и науку роднит стремление к вечности, вневременности открываемых истин, наличие собственных объектов исследования, наконец, *вера* в то, что мир имел первоначало и познаваем чувством, разумом и интуицией познающего человека (как неотъемлемой части мира), причём познание мира *ограничено* жизненным пространством и временем человеческой жизни и *ограниченно* в силу ограниченности чувства, разума и интуиции.

Полагаем, что актуальность философского подхода к действительности растёт по мере развития науки, по мере роста опасности непродуманного или преступного использования её достижений. Поэтому вслед за великими считаем, что любое научное исследование неполноценно без философской составляющей. Также полагаем, что философия должна занять одно из ведущих мест в системе образования. Мы полностью согласны с профессором МГУ А.Н. Кочергиным, который высказал меткое наблюдение, что эффективность управления напрямую связана с уровнем философского образования управленцев, но, к сожалению, их реальные должностные ранги находятся, как правило, в обратной зависимости от философской (гуманитарной) образованности. Каждый учебник вне зависимости от своей специализации – гуманитарной или технической – должен содержать философскую компоненту, воспитывающую учащегося в духе уважения к философскому образу мышления. В свою очередь, философия должна пристально следить за развитием научной мысли, упреждать её, дабы наука не двигалась вслепую навстречу гибельным проблемам, будоражащим всё человечество. Наука без философии

слепа, философия без науки бессильна. Объективная взаимообусловленность науки и философии в процессе их совместного развития, по нашему мнению, делает беспочвенным стереотип безответственности философии и философов.

Разве власть и духовенство руководствовались этим стереотипом, когда философов, философствующих учёных и деятелей искусства привлекали к ответственности, периодически травили, убивали и сжигали на кострах, насильственно выслали в эмиграцию, гноили в ссылках, тюрьмах и лагерях, расстреливали? В одном Советском Союзе под политический террор попали П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, К. Мегрелидзе, А.Ф. Лосев, А.А. Мейер и многие другие. А знаменитый «философский» пароход, на котором цвет отечественной мысли был отправлен в эмиграцию как явные и потенциальные враги советской власти!!! Так что свобода философа от ответственности – миф, рождённый беспамятливыми и безответственными умами.

Портрет философа был бы неполным, если бы мы не сказали, что философам, как и всем смертным, свойственно (каждому по-своему) радоваться и страдать, любить и ненавидеть, мечтать и заниматься бытовыми проблемами. Ни в литературе, ни в жизни автору не встречался стереотипный (удовлетворяющий всем стереотипам сразу) философ. Не существует и среднестатистического философа, как нет и среднестатистического гражданина. Все мы в жизни разные, и философы тоже. Их роднит рефлексия – философы задумываются чаще обывателей. Так давайте же хоть иногда задумываться и философствовать из любви к мудрости!

PHILOSOPHER'S PORTRAIT

V.B. Gukhman

Tver State University, Tver

In the article's format, some stereotypical approaches to philosophy and philosophers, philosophical style of thinking and world perception are critically examined. Mutual relations between philosophy and science in the process of their evolution, as well as psychological, social, linguistic and historical facets of philosophical reflection are analyzed.

Keywords: *wisdom, mind, feeling, intuition, morality, responsibility, world outlook, reflection, science, logic, paradigm, explanation, understanding, mathematics.*

Об авторе:

ГУХМАН Владимир Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальной работы, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: gukh39@yandex.ru

GUKHMAN Vladimir Borisovich – Ph. D., Prof., Dept. of Sociology and Social Work, Tver State University, Tver. E-mail: gukh39@yandex.ru